

Ольга устроилась на барном стуле. Стойка была совсем рядом с бассейном, оттуда доносился гомон, смех, детские крики, плеск воды.

— Доброе утро, Искандер.

Он улыбался. Глаза чуть прищурены, они кажутся совсем черными в тени густых ресниц. Руки его ловко смешивали мохито. Они жили сами по себе. Красивые, загорелые мужские руки с ухоженными ногтями. На правом предплечии извивался черный дракон.

— Доброе утро, Ольга. Ваш коктейль, как обычно. А где Олег?

Он махнула рукой:

— Ой, дрыхнет еще. Вчера нас на дискотеку возили. Вернулись в два часа ночи.

Она хотела рассказать ему про эту дискотеку, сплошное надувательство. Обещано было бесплатное «волшебство»: настоящий водопад, напиток на выбор, плюс живая музыка. Автобус, “Party bus”, вез их полтора часа неизвестно куда. Человек тридцать пытались танцевать в тесноте, жаре и духоте. Открытые окна не спасали. Потом был какой-то темный зал, где по стене действительно текла вода, подсвеченная ядовито зелеными, синими и розовыми огнями. Бесплатный напиток оказался все тем же мохито, но сделанным экономно, гораздо хуже, чем тот, что каждое утро ей предлагал Искандер.

Они жили в этом отеле в Аланьи уже шесть дней. Съездили на все бесплатные экскурсии и даже на «сафари» на джипах. Это был настоящий драйв: машины неслись по серпантину, двигались то чередой, то по две в ряд, обгоняя друг друга на поворотах, нещадно библикая. Стоящие в них туристы обливали друг друга водой из пластиковых бутылок, радостно визжали, позировали фотографу, скакавшему павианом с капота на капот. Как камеру только не выронил. В небе над ними парил дрон. Было весело и страшно одновременно. Они даже купили за 10 долларов фильм, наскоро смонтированный сразу после этой безбашенной поездки.

Отельчик был так себе, из самых дешевых. Но они на это и рассчитывали. Так что разочарования от неоправданных надежд не испытывали. Правда при заселении пришлось поругаться. Их поселили в номер с одной кроватью, хотя она четко оговаривала при заказе что кроватей должно быть две. Почему она должна спать в одной постели со своим взрослым сыном? Даже одеяло, какое-то неказистое покрывалко, им дали одно. И только когда Ольга, всерьез уже разозлилась и пригрозила разгромным отзывом на всех возможных сайтах, на третий день им принесли второе покрывало. Но это все были мелочи. Досадные, но все же мелочи. Они гуляли по Аланье, залезли в крепость, нашли какую-то забавную кафешку, она была прямо во дворе жилого дома. И когда хозяин угощал их крепчайшим кофе, а его жена выносила в маленьких пестрых мисочках всяческие сладости, названия которых они так и не запомнили, вокруг по двору носилась ватага полуголых, черных от загара детей, а в самой глубине за кривой толстой оливой старуха, похожая на бабу Ягу, развешивала на веревке половики.

И конечно, везде и повсюду их принимали за пару, сорокалетняя красивая женщина, худенькая, невысокая, голубоглазая; соломенного теплого цвета волосы, коса в руку толщиной вдоль стройной спины. И высокий парень лет двадцати, совсем на нее не похожий: шатен, вьющаяся челка, карие глаза, широкие черные брови.

Олег, ее сын.

Сын, которого она сама себе родила двадцать лет назад, вырастила одна, без чьей-либо поддержки. Она гордилась собой. А еще больше им, Олежкой. Вон какой вырос, красивый, умный. Закончит свой физ-мат, будет ученым. Наверняка. Ее единственный мужчина, друг. Ей никогда не было с ним скучно. Всегда в их маленькой квартирке толклись его приятели, сначала школьники, а теперь студенты. Она «дружила» с некоторыми из них в Одноклассниках, переписывалась, поздравляла с праздниками, приглашала сходить вместе, большой компанией в театр или на концерт.

Даже в эту поездку они собирались вчетвером. Но приятели Олега, его однокурсник и девушка этого однокурсника в последний момент отпали. Что-то у них разладилось, рассыпалось, и они разбежались. Так что поехали одни. Ольга об этом не жалела. И ей казалось, Олег тоже. Они гуляли вдвоем, курили кальян во дворике-кофейне, пили коктейли, болтая с Искандером, по ночам купались в море. Это было здорово: входить в колеблющуюся лунную полосу, ложиться в теплую воду, колыхаться расслаблено, слушать невнятный шепот волн. Правда, Ольга едва держалась на воде, зато Олег нырял и плавал как дельфин, не зря она таскала его в бассейн с пяти лет.

Искандер ей нравился. Она считала, что только с эстетической стороны. Красивый мужик лет тридцати. Он был такой картиночный, книжный турок, настоящее воплощение турка. Именно таким она представляла Ашик-Кериба в детстве, когда читала Лермонтова. Смоляные кудри, брови в разлет, тонкая ниточка усов. Ему очень шла бархатная бордовая феска. В таких ходила вся обслуга отеля, но Искандер выглядел в ней обалденно. И разговаривать с ним было приятно, по-русски он говорил свободно, почти без акцента. Иногда только тормозил на каком-нибудь слове и начинал подыскивать его, щелкая пальцами как кастаньетами. Объяснил, что бабушка его – русская, дед как увидел ее не смог устоять, женился, хотя семья была против.

Он приветливо улыбался всем обитателям отеля, охотно смеялся над их шутками, шутил сам, но по-настоящему разговаривал только с Ольгой. Она так считала.

В самый первый день, когда они с Олегом после завтрака отправились осматривать свои «владения» и проходили мимо бассейна, он окликнул их от своей стойки:

— Молодые люди, не проходите мимо. Я приготовлю для вас самый лучший коктейль на всем побережье.

И они подошли. Познакомились. Чтоб сразу все было ясно, она сказала:

— Это Олег, мой сын.

На вопрос, какой коктейль для нее приготовить, не смогла ответить, особо ходить по барам не пришлось, и от этого неожиданно для самой себя смутилась. Подумала: «Боже,

как школьница, да и то они, наверное, больше знают, а я только «Ёрш» могу назвать, но это вроде из другой оперы». Пожала плечами:

— Не знаю, придумайте сами.

Он посмотрел на нее внимательно. Так смотрит парикмахер, прикидывая какая прическа пойдет, а какая нет, или портной, когда мысленно накладывает фасончик на фигуру. Выставил высокий стакан, бросил на дно три дольки зеленого лайма, потыкал в них какой-то черной толстой трубкой-давилкой. Положил на ладонь горку зеленых листиков и, прихлопнув другой ладонью, ссыпал в стакан. Вытащил из холодильника пластиковый контейнер и сыпанул оттуда колотого льда до краев. Влил чего-то тягучего, совсем чуть-чуть, а потом добавил из бутылки с надписью: «Баккарди». Потом газировки. И в завершение — еще льда, чтоб он сугробчиком поднялся над уровнем прозрачной жидкости в стакане. И в этот сугробчик — зеленую веточку и дольку лайма. И все это быстро, виртуозно, ни одного лишнего движения.

— Что это? — она покрутила стакан в руках, понюхала.

Запах был прохладным и свежим, пахло мятой и цитрусом, спиртом в нос не шибало, зря боялась. Коктейль был ей действительно «в тон»: к ее зелененькому сарафанчику, соломенной широкополой шляпе, светлой косе и молочной, не загорающей коже.

— Мохито, — улыбаясь, ответил бармен.

Олег получил что-то радостно-красное в восьмиугольном бокале на короткой ножке. Из бокала высовывался кусочек арбуза, проткнутый деревянной палочкой. Как оказалось, арбузный тай слинг. Во как!

Каждый день она находила момент подойти к барной стойке, получить свой мохито и поговорить с Искандером. Он охотно рассказывал о себе, о своей семье. Что жили они, он, его три младших брата и бабушка, та самая, русская, в небольшом древнем городке Топраккале. Жили бедно. Ему как старшему мужчине в доме пришлось заботиться обо всех. Работал с четырнадцати лет. Очень хотел поступить на экономический, но не вышло. Чтобы младшие братья могли учиться, ему надо было работать. Но он об этом не жалел. Один его брат уже закончил экономический факультет, второй — юридический, а самый младший учится на инженера. Та что все у них хорошо. Она сочувствовала ему.

Ей и самой пришлось в жизни не особо легко. Своего Олежку она родила еще на втором курсе. Сама понимала, что залетела по глупости, по первой даже не любви, влюбленности. Но ребенка не предала, не смогла. Как оставшиеся четыре курса проучилась с малышом на руках, сама удивлялась. Бесконечные бессонные ночи, хорошо тогда мама была жива, помогала. Ни разу не упрекнула, что Ольга в подоле принесла. Ребенок — это ведь божий дар! А потом маму сбила машина. И остались они с Олечкой одни. Ему тогда три года было.

Ольга чувствовала, что Искандер не просто так с ней разговаривает, что она ему нравится. Как женщина нравится. Это ей льстило, мужик ведь моложе ее, а вон как смотрит. Но дальше разговоров, конечно, не пойдет. Сразу дала ему понять, что она — не «Наташа», что она тут не за этим. И на подарки с ее стороны рассчитывать не приходится, какие

подарки от учительницы началки, которая приехала в самый дешевый отель. И вообще, она не одна, она – с сыном. Но внимание турка льстило.

— Представляете, Искандер, нас вчера на дискотеку повезли. Даже не скажу, куда. В дальние дали, туда ехали — все плясали, обратно — все вповалку спали. Так напрыгались.

Она начала рассказывать про эту дурацкую дискотеку, которая ей совсем не понравилась, привокзальный кабак, только растянутый вширь. Но рассказывая, вытаскивала на свет какие-то смешные моменты, и вроде получалось, что было прикольно, весело. Он слушал и, как всегда, улыбался. Потом сказал, вытирая стойку тряпкой, и пристально глядя вниз на эту самую тряпку:

— Я сегодня рано освобождаюсь. Хотите вам город покажу? Настоящую Аланью, не туристическую. После вашего ужина можно пойти, часиков в семь.

— Конечно. С удовольствием. Я скажу Олегу.

Тряпка, выписывавшая круги по идеально чистой столешнице, остановилась.

— Я хотел только вам... Без Олега...

Вот оно. Прозвучало. То самое предложение, которого она, как сейчас поняла, все-таки ждала, и которое боялась услышать. Нет, конечно, она никуда с ним не пойдет. Зачем ей это... Вот еще... И вообще... Все это разом пронеслось у нее в голове, вспыхнуло огненными буквами: «Мене, текел, фарес» и сгорело. И серым пеплом осталось «почему». Почему не пойдет? Что он ее съест что ли. А может ничего и не будет. Погуляют, город ей покажет... Она же в любой момент может остановиться, развернуться и уйти. Она взрослая женщина. В самом дальнем углу, у самого затылка крутилось холодным сквознячком: «Без пяти минут стареющая женщина».

Она не остановилась.

Встретились внутри торговой галереи рядом с их отельчиком. Искандер сказал, что вместе выходить не стоит, его могут уволить за это. Будто совершенно случайно столкнулись у прилавка с кальянами, кивнули друг другу, он повернулся и пошел к дальнему выходу из пассажа. Она шла следом. Как заговорщики, это было смешно и приятно, как легкая щекотка травинкой по щеке. Потом на своем стареньком фольксвагене он отвез ее в крепость. Она уже была здесь с Олегом на экскурсии, но сейчас было все по-другому.

Те улочки, по которым вел ее Искандер, разве она видела их прежде? Ей казалось, что нет. Они зашли в антикварную лавку. И хозяин, совсем еще молодой, сын и внук прежних хозяев, приятель ее провожатого, усадил их пить чай со свежесдобитыми лепешками. Лепешки были вздутыми, горячими, они рвали их руками и мазали сливочным маслом. Обжигающий чай, красновато-коричневый в маленьких стеклянных стаканчиках. Хозяин, Али, показывал им старинные золотые украшения, потемневшие и слегка кривоватые, но от этого еще более ценные. Показывал просто так, по дружбе, не собираясь что-то всучить. Напоследок, когда они уже уходили, он сунул ей руку маленькую деревянную коробочку. В ней оказалась одна серьга, круглая, тяжелая, бронзовая.

Вышли на маленькую площадь. Время было уже вечернее, стемнело, а здесь на низких столиках, на клеенках и просто на древней брусчатке раскладывали товар, сумки, обувь, металлическую посуду, картины, еще что-то. Люди ходили кругами, галдели, вертели в руках разные штуковины. Это был ночной рынок, известный прежде всего торговлей контрафактом. Ольга тоже подняла с импровизированного прилавка ярко-красный кошелек Прада, открыла, вдохнула запах крашеной кожи. Положила обратно. Он был ей не нужен, да и лишних десяти долларов у нее не было.

— На смотровую площадку пойдём? — спросил Искандер.

Там они с Олегом тоже были, но почему не сходить еще раз.

— Пойдем, конечно.

И они поднялись туда, и полюбовались огнями города и морем, но не долго, Искандер повел ее дальше. Спустились к старой верфи и выпили кофе на террасе. Снова поднялись по стертým ступеням. В узкой улочке недалеко от мечети Сулеймание Искандер остановился у дверей двухэтажного дома, показал рукой на верхние окна:

— Здесь я живу... Зайдешь?

Как-то незаметно, Ольга даже не могла вспомнить в какой момент, они оказались на «ты». Может, когда стояли на смотровой площадке? Или бродили по ночному рынку? Или еще когда пили чай в лавке Али? Надо было решить сразу: согласиться или нет. Правильнее — отказаться. Совершенно не кстати в голове завертелась фраза из старого фильма: «У меня такая безупречная репутация, что меня давно уже пора скомпрометировать». И Ольга ответила:

— Зайду.

«На минуточку», — добавила она про себя без всякой уверенности.

Квартирка на втором этаже оказалась сплошняком заполненной какими-то пыльными ковриками, поцощанными восьмиугольными табуретами, вытертыми диванчиками и полками с медными джезвами, тронутыми прозеленью налета. Это была явно съемная хата. А что она еще рассчитывала увидеть, ведь Искандер приезжает в Аланью только на высокий сезон, и жилье он выбирает самое дешевое. И вообще, ей-то какая разница!

Закрыв за собой дверь, он сразу поцеловал ее в губы. Жадно. Вкусно. И Ольга ответила. Будто рухнул у нее внутри какой-то барьер. Тот самый, за которым пряталась она двадцать с лишним лет от самой малейшей возможности выпасть наружу из их тесного единого с Олегом мирка. Virtuозные пальцы турка бегали по ее телу, снимали те немногие тряпочки, что позволяла надеть курортная жара. Ловко рушили стену, которую она сама возвела вокруг себя, никого не пуская внутрь этой крепости. Ольга чувствовала, в этих руках она меняет форму, Искандер лепит из нее что-то совсем новое, и чем она в результате станет, неизвестно. Она лежала на его кровати, спину кололо жесткое шерстяное покрывало, а он все ласкал и ласкал ее. Молча. Тишина казалась ей абсолютной. Потом так же без слов, только движениями своих летающих рук, он поставил ее на колени. Она

превратилась в яйцо. Живот, груди, голова, все, как объемный пазл, сложилось в идеальную форму.

Он вошел в нее сзади. И в этот миг где-то совсем рядом, прямо над ухом громко закричал муэдзин. Голос его перекачивался по ней. Бурный прилив вслед за быстрым отливом. И в такт этим волнам внутри ее свернутого тела поднимался и опадал восторг. Кажется, она тоже кричала. Но из-за накрывшего весь город азана ее не было слышно никому.

Ольга вернулась в отель в одиннадцать на такси, которое вызвал ей Искандер.

На следующее утро за барной стойкой у бассейна стоял другой мальчик. Искандер появился только к вечеру, и когда она подошла поздороваться, ответил ей лишь вежливым кивком головы и занялся парой толстух, завернутых в необъятные парео.

У них с Олегом оставалось всего два дня до отъезда. Два утра. Два стакана мохито. Два последних коктейля. И уже никаких разговоров, рассказов о бабушке и братьях, никаких улыбок. Для нее у него больше ничего не было.

Она так и не поняла, был ли это камуфляж, чтобы не догадался никто об их связи, чтобы не выставили его за дверь в разгар сезона, или он обиделся на нее за что-то. Она сама была склонна обижаться легко и подозревала в этом всех. Скажешь не то, посмотришь не так, человек неправильно поймет и обидится. И обязательно нужно поговорить, объяснить, что ты не хотела ничего такого. Но объяснить, даже попытаться он ей шанса не дал.

Ольга никогда не узнала, что просто была предметом пари между барменом и массажистом. Прошлый раз бармен проиграл: его приятель первым склеил одну из своих клиенток. Зато теперь Искандер победил. И даже не в сумме выигрыша было дело, что такое тысяча лир, — всего лишь сто пятьдесят – сто шестьдесят долларов. Ерунда. Это был бесконечный спор. Спор высокого сезона, сплавленного жарой в бесконечное повторение одного и того же дня.

А про свою семью ей Искандер не наврал. Просто не все рассказал. И братья его младшие действительно выучились в отличии от него и сейчас работали в строительном холдинге, принадлежащем их отцу в Баку. И бабушка у него была, и по-русски дома говорила.

Бакинская еврейка, Роза Исааковна в девичестве Гольдштейн, а в замужестве Гусейнова, маленькая старушка с твердокаменным характером, держала в кулачке все их семейство, и своего сына-бизнесмена и его жену, и четверых внуков. Любимца своего старшенького, тридцатилетнего мужика тянула иной раз за вихор, приговаривая: «Ох, Сашья, и што ты за швицер, все пригаешь и пригаешь. С институту поперли... Опять к туркам своим собрался? Хватит уж делать отцу беременную голову. Шалопай... Цудрейтер...»